

IN MEMORIAM: НАУМ ЛАЗАРЕВИЧ ЛЕЙДЕРМАН

ИДЕАЛЬНЫЙ ФИЛОЛОГ

Наум Лазаревич Лейдерман практически реализовал в своей жизни модель «Идеального Филолога». Каковы составляющие этого феномена?

Во-первых, врожденный артистизм. Наум Лазаревич рисовал (как-то нарисовал шаржи на всех членов кафедры, сам разрабатывал обложки для своих книг), замечательно пел (особенно вместе с Т.А. Гридиной, С.И. Ермоленко и Т.А. Ложковой), играл на сцене. Он был неповторимый Дед Мороз, а последняя его роль летом, на Последнем звонке – Эльф с белыми крылышками, уносящий Дюймовочку в страну Филологию.

Во-вторых, яркая эмоциональность. Он был азартный футбольный болельщик, он никогда не скучал: увлекался (человеком ли, книгой), радовался, негодовал, шутил (неистощимый запас баек про Одессу, про армию – он служил артиллеристом, про разных известных филологов скрашивал наши посиделки). Будучи вспыльчивым (когда гневался, в выражениях не стеснялся), Наум Лазаревич был и очень отходчивым, не помнил зла. Когда-то шутил: «Я приду домой, наверну борща – и я снова добрый!». Наум Лазаревич не терпел застоя, эмоционального штиля, «болота».

В-третьих, широта теоретического мышления, интеллектуальный глобализм. Он чувствовал текст, его нюансы, но видел перспективу. Все элементы произведения он синтезировал в модель жанра, все методы и направления – в сквозную линию историко-литературных систем (благо, сам Наум Лазаревич читал и античку, и Серебряный век...). Он создал единую систему филологического образования школьников, с 1-го по 11-й класс, инициировал создание новой истории литературы XX в. (уже создан учебник по 50–90-м гг., на выходе учебник по 20-м гг., через год мы надеемся завершить учебник по 30-м гг.). Когда кто-то из нас делал доклад на очень конкретном материале, Наум Лазаревич обязательно спрашивал, как этот фрагмент войдет в нашу будущую монографию, диссертацию, учебное

пособие. Такая телеологичность не давала топтаться на месте, толкала вперед.

В-четвертых, воля и трудолюбие. Наум Лазаревич был фанатиком, для которого работа – отдых. До последних дней он приезжал в университет, с трудом поднимался по лестницам, шел в аудиторию. Наум Лазаревич признавался мне, что не пишет *легко*, он никогда не халтурил, готовился к любому докладу, поднимал всю историю вопроса, начиная какое-либо исследование. Халтуры он не терпел и от других. Последние годы я пеняла Наума Лазаревича за количество двоек на экзаменах, призывала закрыть глаза и поставить тройку, он возмущенно говорил, что поставит столько двоек, сколько их есть. Вообще, Наум Лазаревич никогда не «прогибался», не шел на компромиссы – он ощущал себя *профессором*, незаменимой величиной, которой держится университет, а не «бюджетником», который должен приспосабливаться к ситуации.

Наум Лазаревич был по духу «шестидесятником», человеком «оттепели», а потому романтиком. Он сохранил веру в общечеловеческие ценности, в науку, в справедливость. Он никогда не назвал бы это «общечеловечка» и «нетленка». Он был ироничен, но без примеси цинизма и стёба. В глубине души он всегда любил реализм, писателей с гражданской позицией, постмодернистский «карнавал» был ему, в общем-то, чужд. С его уходом закончилась какая-то большая эпоха. Я и люди моего поколения, сформировавшиеся в позднесоветский период «застоя», мы другие. Лично я всегда по-хорошему завидовала цельности натуры Наума Лазаревича.

Конечно, остались книги, идеи, память... Но кафедра совершенно осиротела. До сих пор не верится, что больше никогда не услышим его голос, не получим нагоняй, не порадуемся похвале. Я благодарю судьбу за то, что она дала мне 30 лет проработать рядом с Идеальным Филологом – по крайней мере, я знаю точно, каким филолог *должен* быть.

*Нина Владимировна Барковская,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой современной русской литературы УрГПУ*